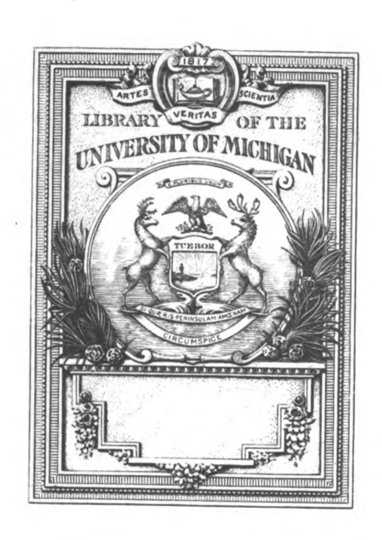

D 3 9015 00399 697 5
University of Michigan – BUHR

1817
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
CIRCUMSPICE

ИЗДАНІЕ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ — ÉDITION DU MINISTÈRE DES FINANCES

Н. БУРДУКОВЪ

ГОНЧАРНЫЯ ИЗДѢЛІЯ СРЕДНЕЙ АЗІИ

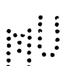
CÉRAMIQUE DE L'ASIE CENTRALE

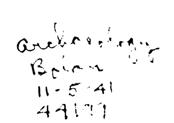
N. BOURDOUKOFF

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛ. ГОСУДАРСТВ. БУМАГЪ

St. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES PAPIERS DE L'ÉTAT

Печатано съ разрѣшенія Министра Финансовъ.

Предлагаемое вниманію всѣхъ интересующихся развитіемъ народнаго творчества и произведеніями народнаго искусства настоящее изданіе гончарныхъ издѣлій Туркестанскаго края, добытыхъ нами во время неоднократныхъ посѣщеній этой интереснѣйшей и своеобразной окраины Имперіи, хранящей до сего времени слѣды глубокой старины и вѣковой исторической жизни, представляетъ собою первый опытъ въ Россіи воспроизведенія образцовъ средне-азіатской керамики.

Мы счастливы отмѣтить, что изданіе это могло быть осуществлено, благодаря ВЫСОКОМУ вниманію, удѣленному ему въ связи съ общимъ интересомъ къ кустарному дѣлу и художественному творчеству туземцевъ нашихъ азіатскихъ владѣній, связанному съ разработкою вопросовъ о поднятіи и поддержаніи производства кустарныхъ промысловъ.

1902 годъ ознаменовался, по волѣ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, неожиданнымъ торжествомъ кустарной промышленности, такъ какъ съ этого времени, т.-е. съ открытія 1-й Всероссійской кустарно-промышленной выставки, дѣло народнаго творчества и заботы о его развитіи были приняты подъ особое ВЫСОЧАЙШЕЕ покровительство, и эта отрасль народной жизни признана была имѣющей государственное значеніе въ отношеніи и экономическомъ, и культурномъ, и историческомъ.

Кустарная выставка, какъ нельзя болѣе кстати, развернула передъ изумленными глазами общества такое богатство творческихъ силъ народа, что показала наглядно, какой богатый источникъ народнаго благосостоянія скрывается за этими на первый взглядъ скромными и незначительными продуктами. Выставка эта совпала и слилась съ періодомъ сильнѣйшаго подъема интереса къ родинѣ и всему, что такъ или иначе связано съ жизнью народной, подъема, который такъ ярко характеризуетъ переживаемый нами моментъ. Маятникъ исторической жизни, двинутый могучимъ размахомъ по волѣ и предуказанію великаго русскаго патріота ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, на долгіе годы намѣтившаго ея пути, направляетъ за собой всѣ лучшія силы страны, и на этой дорогѣ Россію ждетъ и новый расцвѣтъ, и новое могущество, достигнутые мирнымъ и всестороннимъ развитіемъ силъ государства. Посреди заботъ о разнообразныхъ отрасляхъ кустарной промышленности не забыто было и издревле извѣстное въ Туркестанскомъ краѣ, — составляющее одну изъ интереснѣйшихъ отраслей мѣстной кустарной промышленности, — гончарное производство. На ряду съ другими кустарными производствами и оно обратило на себя ВЫСОЧАЙШЕЕ вниманіе, благодаря коему осуществилось настоящее изданіе съ тою полнотою и художественнымъ достоинствомъ, которое оно представляетъ.

Помѣщая въ настоящемъ альбомѣ наиболѣе оригинальныя по чистотѣ и выдержанности стиля экземпляры нашей коллекціи керамическихъ издѣлій Средней Азіи, мы твердо надѣялись, что художественныя достоинства представляемыхъ образцовъ еще лишній разъ докажутъ съ наглядной очевидностью, насколько жизнеспособно и стоитъ всяческой поддержки и вниманія средне-азіатское гончарное искусство, и мы будемъ совершенно счастливы, если нашъ посильный трудъ внесетъ свою долю въ общую работу и сослужитъ свою скромную службу, давъ начало послѣдующимъ трудамъ любителей народнаго художественнаго творчества.

* * *

Гончарное искусство Средней Азіи, какъ и всѣ вообще искусства Востока, полное той красоты и богатства фантазіи, которыя вошли въ поговорку, какъ бы чудомъ уцѣлѣло среди всѣхъ невзгодъ, пережитыхъ имъ неблагопріятныхъ условій, въ какія оно было поставлено. Самая историческая судьба восточныхъ народовъ, въ которой періоды ничѣмъ несдерживаемаго могущества, смѣняясь вѣками апатіи и замиранія, закончились полной потерей значенія въ міровой жизни, казалось бы, должна была повлечь за собой обезличеніе и уничтоженіе характерныхъ особенностей народнаго творчества среди той массы посторонних, пришедшихъ извнѣ вліяній, которыми оно всегда бывало окружено. Но сила духа такова, таково обаяніе красоты и непосредственности народнаго генія, что и здѣсь—въ исторіи восточнаго искусства—видно, какъ слѣды его вліянія сказываются даже въ произведеніяхъ самыхъ чуждыхъ и совершенно враждебныхъ Востоку культуръ.

Поэтому-то охраненіе и изученіе произведеній именно мусульманскаго востока должно представлять особенную цѣнность и значеніе, какъ знакомство съ такимъ теченіемъ, слѣды коего сказываются далеко за предѣлами азіатскихъ владѣній, разлившись по всему культурному міру, и которое имѣетъ особенно важное значеніе для насъ русскихъ, въ жизни и въ искусствѣ которыхъ Востокъ игралъ такую значительную роль.

Но, если, какъ мы только что указали, національное творчество восточныхъ народовъ оказалось столь могучимъ и жизнеспособнымъ, что покорило и оставило слѣды своего вліянія на искусствѣ другихъ народовъ и культуръ, то и оно, въ свою очередь, оказалось безсильнымъ бороться съ могущественнѣйшимъ факторомъ современной жизни—рыночнымъ, механическимъ, капиталистическимъ производствомъ. Дешевые товары, предлагаемые потребителю въ доступномъ ему видѣ, исключили необходимость въ собственной выработкѣ громаднаго большинства предметовъ, входящихъ въ крайне ограниченный кругъ обихода туземца, и онъ безъ труда сталъ получать отъ рынка въ видѣ готовыхъ фабрикатовъ все то, во что раньше привыкъ вкладывать свое творчество, и если онъ заставилъ фабрику поддѣлываться подъ его вкусъ и вырабатывать предметы въ такъ называемомъ «восточномъ стилѣ», то, съ другой стороны, и онъ самъ въ выдѣлкѣ тѣхъ немногихъ вещей, которыя онъ продолжаетъ вырабатывать уже главнымъ образомъ тоже какъ товаръ, пригодный для сбыта или обмѣна, сталъ невольно, слѣдуя могучему закону спроса и предложенія, подлаживаться и уступать требованіямъ рынка, находившагося въ рукахъ невѣжественныхъ и, разумѣется, не заботящихся о чистотѣ стиля продавцовъ.

Взаимодѣйствіе покупателей и продавцовъ быстрыми шагами приводитъ къ тому, что художественный уровень произведеній падаетъ. Народъ все болѣе привыкаетъ къ дешевому товару, болѣе доступному ему по цѣнѣ, хотя и значительно низшему по качествамъ, котораго не жаль бросить или перемѣнить вслѣдствіе дешевизны и, въ противоположность этому, перестаетъ беречь и цѣнить прежнія свои работы, о достоинствѣ которыхъ онъ заботился, зная, что онѣ будутъ служить изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ настоящее богатство его семьи. На ряду съ этимъ по требованію рынка всѣ наиболѣе цѣнныя и интересныя произведенія народнаго творчества путемъ продажи уходятъ изъ народа безвозвратно, а вмѣстѣ съ ними уходятъ и образцы, и рисунки, которые поневолѣ приходится замѣнять случайными, со стороны,

при пользованіи которыми не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо сохраненіи достоинства и чистоты стиля. Въ дальнѣйшемъ, при такомъ положеніи дѣла, наступаетъ паденіе и гибель и........ нѣжныя и чистыя произведенія народа смѣняются грубо размалеванными въ «народномъ вкусѣ» товарами дешевыхъ фабрикъ.

Въ настоящемъ альбомѣ запечатлѣна лишь нѣкоторая часть дорогихъ для каждаго цѣнителя искусства образцовъ уходящаго народнаго творчества, съ свѣтлой и затаенной надеждой, что эти образцы возвратятся обратно въ народъ и послужатъ новымъ источникомъ вдохновенія, когда найдутъ свое осуществленіе тѣ долгожданныя мѣры, которыя намѣчены въ интересахъ сохраненія и подъема кустарнаго дѣла всей Россіи и которыя не заставятъ себя долго ждать теперь, когда съ высоты Престола признано все глубокое значеніе и важность такой отрасли народной жизни, какъ кустарно-промышленная.

* * *

Намъ остается еще пояснить вкратцѣ самое положеніе гончарнаго дѣла въ русскихъ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ.

Глиняная посуда въ Средней Азіи по своей дешевизнѣ является наиболѣе распространенной среди мѣстнаго осѣдлаго населенія. По своимъ качествамъ она рѣзко распадается на двѣ группы:—посуду расхожую, обиходную и—такъ сказать—показную. Послѣдняя представляетъ наибольшій интересъ въ томъ смыслѣ, что въ ней заключается лучшее, что выдѣлывается въ краѣ изъ глины. На ея производство обращается наибольшее вниманіе и при выборѣ матеріала, и въ самой техникѣ производства, и въ украшеніяхъ, на которыя при выдѣлкѣ обиходной расхожей посуды нѣсколько скупятся туземцы-горшечники.

Блюда (лангаръ-табакъ), тарелки (табаки-табаччи), миски и чашки (джали и джамчи), кувшины разной величины и формъ (куза и кузачи) и вазы (хурми)—таковы главнѣйшія формы этой посуды.

Способъ, которымъ дѣлались и дѣлаются украшенія одинъ и тотъ же для всѣхъ разновидностей—полива и роспись. Покрывается поливой обыкновенно вся поверхность посуды, хотя въ блюдахъ и тарелкахъ довольно часто изнанка оставляется матовой. Росписью же украшается почти исключительно только лицевая сторона, изнанка же остается гладкой, и только въ чашкахъ изрѣдка расписывается, кромѣ внутренней стороны и наружная, но роспись въ этомъ случаѣ бываетъ обыкновенно значительно проще, схематичнѣе и небрежнѣе.

Главнѣйшими центрами производства глиняной расписной посуды являются Бухара, Риштанъ и Самаркандъ съ окрестными кишлаками *), хотя, конечно, и въ другихъ городахъ края (Катты-Курганъ, Ходжентъ, Андижанъ, Ташкентъ, Карши, Шахрисябсъ и т. д.) населеніе занимается гончарнымъ производствомъ, но посуда выше указанныхъ пунктовъ является типичнымъ образцомъ для всего прилежащаго округа, ибо, посуда Катты-Кургана въ сущности самаркандская посуда, посуда кишлаковъ Бехауддина, Вардатзе—бухарская посуда и т. д. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло

*) *„Кишлакомъ“* въ Туркестанскомъ краѣ называется туземное селеніе.

въ настоящее время; можетъ-быть, прежде центрами производства были и иные пункты, можетъ-быть, ихъ было даже больше, но при настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ по этому вопросу трудно говорить объ этомъ.

Какъ бы тамъ ни было, но пересмотръ множества посуды, купленной нами на мѣстахъ ея производства и въ мѣстахъ, куда она привозится изъ разныхъ пунктовъ, а равно и у частныхъ владѣльцевъ, сличеніе качествъ глины, пріемовъ выработки, примѣняемыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ, позволяютъ установить опредѣленныя характеристики для каждаго изъ упомянутыхъ типовъ.

Бухарская старая посуда расписывалась по бѣлой густой блестящей глазури тонами: ультрамариновымъ, бирюзовымъ, чернымъ и темно-зеленымъ; бѣлая глазурь на нѣкоторыхъ образцахъ имѣетъ слегка голубоватый отливъ. Техника росписи была двухъ типовъ: роспись либо покрывалась поверхъ прозрачнымъ стекловиднымъ слоемъ, какъ то имѣетъ мѣсто для старой персидской посуды, либо,—если этого слоя не было,—сами краски дѣлались достаточно стекловаты и прозрачны. Орнаментъ растительный сильно стилизированный, иногда съ примѣсью геометрическаго орнамента. Краски яркія и чистыя. На нѣкоторыхъ образцахъ черный тонъ довольно часто впадаетъ въ красноватый оттѣнокъ. Рисунокъ отчетливый, правильный. Распредѣленіе красокъ по количеству таково, что фонъ почти всегда доминируетъ въ большей или меньшей степени надъ орнаментомъ. Можно, пожалуй, признать даже за правило, что чѣмъ старше посуда, тѣмъ это доминированіе выступаетъ рѣзче.

Новая Бухарская посуда рѣзко отличается прежде всего подборомъ красокъ и ихъ характеромъ. Краски мутны, непрозрачны. Для фона употребляется или красно-охряный, или желто-охряный тонъ, или сравнительно рѣже коричневато-черный. Роспись же дѣлается лимонно-желтымъ, желтовато-бѣлымъ, темно-краснымъ и зеленымъ тонами; ультрамариновый цвѣтъ, но грязно-сѣраго характера, встрѣчается лишь изрѣдка, да и то имѣется на образцахъ довольно старыхъ. Орнаментъ растительный, сильно стилизированный, чаще всего строго симметричный по нѣсколькимъ осямъ.

Самаркандская новая посуда похожа по краскамъ на новую бухарскую; разница лишь въ преобладаніи охряно-желтаго цвѣта въ фонѣ и въ рисункѣ, который здѣсь нѣсколько крупнѣе и проще. Старой самаркандской посуды въ настоящее время встрѣчается не много, та же, которая попадается еще, очень похожа на старую бухарскую типа, характеризующагося отсутствіемъ стекловатой глазури.

Катты-Курıанская расписная посуда представляетъ копіи формъ самаркандской и отъ нея поэтому ничѣмъ не отличается.

Ходжентская—отличается свѣтлой гаммой красокъ и слабымъ рисункомъ.

Ташкентъ производитъ мало расписной посуды, и тѣхъ образцовъ, которые намъ случалось видѣть, слишкомъ мало, чтобы можно было дать ихъ общую характеристику. Можно только отмѣтить голубовато-зеленую поливу для кувшиновъ, очень похожую на поливу кокандскихъ горшечниковъ.

Старая Кокандская или *Риштанская* *) посуда во многомъ напоминаетъ старую бухарскую. Она характеризуется бѣлой блестящей плотной поливой, по которой

---

*) Преданія разсказываютъ, что начало гончарному производству въ Риштанѣ положено было ученикомъ извѣстнаго въ концѣ XIV и началѣ XV в. въ Бухарѣ Амиръ-Кулуль-Пира—„голова гончаровъ“. Въ настоящее время

роспись исполнялась блѣднымъ, слегка красноватымъ ультрамариновымъ тономъ. Орнаментъ мелкій растительный (цвѣты, листья, стебли), мало стилизированный, часто симметричный только на вѣнчикахъ у блюдъ и тарелокъ, а на остальномъ полѣ симметричный только для массъ орнамента, а не для его подробностей. Орнаментъ никогда не бываетъ оконтуренъ, тогда какъ въ бухарской посудѣ на нѣкоторыхъ образцахъ встрѣчается черная контуровка, какъ въ персидской посудѣ. Кромѣ ультрамарина, употреблялся еще и бирюзовый фонъ, но очень рѣдко.

Новая Риштанская посуда распадается на три типа. Посуда, похожая на старую, но съ глазурью не столько бѣлой и плотной; роспись ея исполняется сѣроватымъ ультрамариномъ, красновато-чернымъ, грязно-зеленымъ и охряно-желтымъ тонами, при чемъ на однихъ образцахъ всѣ эти тона встрѣчаются разомъ, на другихъ же примѣняются только ультрамаринъ и черный тонъ (Старый Маргеланъ); посуда, покрытая бирюзовой глазурью нѣсколько мутнаго тона, впадающаго въ зеленый, съ росписью ультрамариномъ, представляющей повторенiе розетокъ, звѣздочекъ, листочковъ, стеблей и завитковъ (Риштанъ) и, наконецъ, посуда, покрытая желто-охряной глазурью, съ росписью красно-охрянымъ, темно-краснымъ, зеленымъ и бѣлымъ тонами, съ крупнымъ, грубо нарисованнымъ растительнымъ орнаментомъ, похожая на самаркандскую, но съ болѣе мутными и блѣдными тонами (Кокандъ, Старый Маргеланъ и Андижанъ). Въ Кокандѣ, кромѣ того, необходимо отмѣтить гладкiе нерасписанные кувшины, чашки и миски, покрытые красновато-блестящей оливково-зеленой, зеленой, зеленовато-бирюзовой и чистой нѣжно-бирюзовой глазурью.

Ограничиваясь этимъ краткимъ перечнемъ главныхъ районовъ гончарнаго производства и бѣглой характеристикою ихъ, мы позволяемъ себѣ сдѣлать еще нѣсколько общихъ замѣчанiй. Несомнѣнно, что производство гончарныхъ издѣлiй въ Туркестанѣ отличается большой древностью и пережило нѣсколько различныхъ перiодовъ, среди которыхъ были перiоды и процвѣтанiя и упадка. На это наталкиваетъ даже самый поверхностный обзоръ горшковъ, во множествѣ находимыхъ при раскопкахъ у Самарканда, Ташкента, Ходжента и др. мѣстъ. Болѣе детальное изученiе этихъ памятниковъ стариннаго искусства несомнѣнно представитъ возможность установить различныя стадiи, пройденныя керамикой въ Туркестанѣ, положивъ тѣмъ самымъ начало ея историческаго изслѣдованiя.

Въ настоящее время горшечное производство переживаетъ перiодъ упадка, можетъ-быть, большiй даже, чѣмъ тѣ, какiе были пережиты имъ раньше. Упадокъ этотъ идетъ въ двухъ направленiяхъ: въ чисто техническомъ и въ художественномъ. Въ техническомъ отношенiи онъ выражается ухудшенiемъ обработки глины, потерей красочныхъ смѣсей, несовершенствомъ обжига, въ художественномъ же онъ выражается въ небрежности рисунка орнамента, въ потерѣ чистоты стиля, въ потерѣ

въ Риштанѣ проживаетъ одинъ изъ его потомковъ, нѣкiй Пирзада, занимающiйся гончарнымъ дѣломъ. Въ Риштанѣ, приводимомъ нами въ видѣ примѣра, съ населенiемъ въ 22.400 человѣкъ, насчитывается до 90 мастеровъ-хозяевъ, имѣющихъ отъ 2 до 5 подмастерьевъ каждый. Общая производительность гончаровъ Риштана достигаетъ въ годъ суммы до 30.000 рублей, при чемъ весь матерiалъ для производства добывается тутъ же, въ окрестностяхъ Риштана, и частью въ окрестностяхъ сел. Чунгура Сохск. вол., Кокандскаго уѣзда, верстахъ въ 25 отъ него, а рынкомъ для сбыта служатъ базары всей Ферганской области.

пониманія соотношенія величины орнамента къ величинѣ сосуда и его частей и, наконецъ, въ грубости красочныхъ отношеній.

* * *

Настоящее изданіе, не выходя изъ рамокъ скромнаго труда, поставило себѣ задачей обратить вниманіе общества на одну изъ страницъ народнаго творчества и показать, какіе чудные памятники вѣками создавшагося искусства безвозвратно уходятъ отъ насъ. Глядя на эти памятники народнаго творчества, которые на глазахъ каждаго сколько-нибудь внимательнаго человѣка гибнутъ отъ небрежности, отсутствія пониманія и любви, отъ своекорыстныхъ стремленій и тому подобныхъ случайныхъ вліяній, и убѣждаясь въ томъ, какъ мало въ сущности нужно сдѣлать для того, чтобы все это, и ростки, которые такъ полны жизни, и тѣ вкусы, которые еще такъ живы въ народѣ, и то проникновеніе, которымъ полонъ каждый простой мастеръ-гончаръ или другой кустарь, — развернулось и дало полный расцвѣтъ искусства въ его лучшія времена, мы призываемъ всѣхъ истинныхъ друзей искусства прійти на помощь тѣмъ, кто такъ нуждается въ участіи съ нашей стороны. Будемъ надѣяться и стремиться къ тому, чтобы интересъ къ этой страницѣ народнаго творчества въ связи съ общимъ подъемомъ національнаго самосознанія окрѣпъ, и чтобы вокругъ нея была создана та атмосфера внимательнаго изученія, охраненія и попеченія, при которой, мы твердо увѣрены, жизнь не замедлитъ дать самые роскошные плоды. Настоящій альбомъ, содержащій въ себѣ лишь малую долю богатствъ, разсыпанныхъ среди народа, лучше всякихъ словъ и примѣровъ покажетъ, насколько заслужено просимое нами вниманіе и попеченіе.

* * *

Мы не сочли бы нашъ трудъ вполнѣ законченнымъ, если не высказали бы здѣсь, что появленіемъ своимъ въ свѣтъ онъ во многомъ обязанъ содѣйствію бывшаго Министра Финансовъ Статсъ-Секретаря С. Ю. Витте, съ большимъ сочувствіемъ встрѣтившаго мысль о настоящемъ изданіи.

Вспоминая наши поѣздки и розыски по обширному краю, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи вспомнить и принести нашу горячую признательность любителю средне-азіатской керамики художнику С. М. Дудину, помогавшему намъ своимъ обширнымъ знаніемъ, и художнику г. Зедекъ Кверфельду, сопровождавшему насъ въ одной изъ поѣздокъ и исполнившему акварельные рисунки для настоящаго изданія. Нашу глубокую благодарность мы позволяемъ себѣ высказать также и Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, ибо только высокія и исключительныя достоинства этого учрежденія, столь заслуженно пользующагося извѣстностью въ графическихъ искусствахъ, обезпечили возможность истинно художественнаго изданія.

Николай Бурдуковъ.

С.-Петербургъ.
1904 г.

Cet album s'adresse à tous ceux qui s'intéressent au développement du génie populaire et aux productions de l'art populaire. Destiné à donner une idée des collections céramiques recueillies par nous au cours de nos fréquents voyages au Turkestan, cette région si intéressante et si originale, qui conserve encore actuellement des traces d'une antiquité reculée et d'une longue vie historique à travers les siècles, il est le premier essai en Russie de reproduction de spécimens de la céramique de l'Asie Centrale.

Nous sommes heureux de reconnaître que la présente publication doit le jour à la Haute attention dont elle a été honorée, et qui tient à un intérêt général pour la petite industrie rurale et le génie artistique indigène de nos possessions asiatiques, en même temps qu'elle est liée à l'étude des questions relatives au relèvement et à la protection de la fabrication des produits de cette industrie.

L'année 1902 a été marquée, de par la volonté de S. M. l'EMPEREUR NICOLAS II, par un triomphe inespéré de la petite industrie rurale, puisque, depuis cette époque, celle de l'ouverture de la première exposition générale russe de ses produits, les intérêts du génie populaire et les soins à apporter à son développement ont été pris sous la protection particulière de SA MAJESTÉ, et que ce domaine de l'activité populaire a été reconnu d'utilité publique, tant au point de vue économique et historique qu'à celui du développement de la culture du peuple.

L'exposition des produits de la petite industrie rurale a mis on ne peut plus à propos en évidence, aux yeux émerveillés du public, une exubérance de force créatrice qui fait voir sur le vif quelle précieuse ressource constituent pour le bien-être populaire ces produits, en apparence si modestes et si insignifiants. Cette exposition a coïncidé et fait corps avec le développement de l'essor puissant, si nettement caractéristique de l'époque actuelle, qu'a pris la curiosité du pays natal et de tout ce qui, de près ou de loin, touche à la vie du peuple. Le balancier de la vie historique de la Russie, animé d'une impulsion puissante par la volonté et la prévoyance de l'EMPEREUR ALEXANDRE III, le grand patriote russe, et réglé par lui dans la voie qu'il a ouverte pour de longues années, a entraîné les meilleures forces de l'Empire: la Russie attend de là une nouvelle ère d'épanouissement et une nouvelle puissance, résultat du développement pacifique et général des forces du pays.

L'intérêt témoigné aux diverses formes de la petite industrie rurale n'a pas été sans s'étendre à une de ses branches les plus anciennes au Turkestan et les plus curieuses au point de vue local, l'industrie céramique: elle a été, elle aussi, honorée de l'attention de S. M. l'Empereur, et c'est ainsi que la présente publication a pu être exécutée avec l'extension et la valeur artistique qu'elle offre.

En faisant entrer dans cet album les pièces de notre collection céramique de l'Asie Centrale les plus originales par la pureté et le fini de leur style, nous avons le ferme espoir que leur valeur artistique prouvera une fois de plus, à n'en pas douter, combien est vivace l'art céramique de ces régions, et combien il mérite d'attirer l'attention et d'être encouragé de toute manière. Nous serons complètement satisfait, si le travail que nous avons fait pour notre part peut servir de contribution à celui qui reste à faire, et joue dignement son modeste rôle en marquant un premier pas dans la voie qui s'ouvre aux amateurs du génie artistique populaire.

* * *

L'art de la poterie dans l'Asie Centrale, de même que l'art oriental en général, si beau et si riche en fantaisie qu'il est devenu légendaire, a subsisté comme par miracle malgré les revers de toute sorte et les conditions défavorables qu'il a traversés. La vie historique même des peuples orientaux, dans laquelle nous voyons des périodes de puissance sans frein faire place à des siècles d'apathie et d'engourdissement ayant amené leur effacement complet de la scène du monde, devrait avoir eu pour conséquence, semble-t-il, la disparition des particularités caractéristiques du génie créateur populaire et son impersonnalité, en raison de la masse des influences étrangères venues du dehors auxquelles il a toujours été soumis. Mais la force de l'esprit est telle, tel est le prestige du beau et de l'originalité du génie national, que, même ici, dans l'histoire de l'art oriental, on voit se révéler des traces de son influence jusque dans des œuvres des civilisations les plus étrangères, les plus hostiles à la culture orientale.

C'est pour cela que la conservation et l'étude des productions de cet Orient musulman même ont un prix et une importance particulières: il s'agit là d'un courant dont les traces se font sentir bien au delà de nos possessions d'Asie, qui s'est répandu dans tout le monde civilisé, et qui, pour nous autres, Russes, a une importance particulièrement considérable, étant donné le rôle si important que l'Orient a joué dans notre vie et dans notre art.

Mais si, comme nous venons de le dire, le génie national des peuples orientaux est si puissant et si vivace qu'il a pénétré et laissé des traces de son influence dans l'art et la civilisation des autres peuples, il s'est, à son tour, trouvé hors d'état de lutter contre le facteur tout-puissant de la vie contemporaine, la fabrication de l'article de bazar, à la machine, par le capitaliste. Les marchandises à bon marché offertes au consommateur selon sa bourse ont rendu inutile la fabrication par l'indigène de l'immense majorité des articles qui entrent dans le cercle si restreint de ses besoins: il peut, sans travailler, trouver aujourd'hui au bazar, sous forme d'articles manufacturés, tous les objets auxquels il donnait auparavant son cachet personnel. Et si le producteur a dû se plier à son goût en fabriquant des articles dans ce qu'on est convenu d'appeler «le style oriental», lui-même, dans la confection des quelques articles qu'il continue à façonner, ne les considère plus non plus que comme une marchandise destinée à être vendue ou échangée, et, malgré lui, se conforme en cela à la puissante loi de l'offre et de la demande pour s'adapter et se plier aux exigences du marché, qui se trouve entre les mains de vendeurs ignorants et se souciant peu, cela va sans dire, de la pureté du style.

L'influence réciproque du vendeur et de l'acheteur fait baisser rapidement le niveau artistique des produits. Le peuple s'habitue de plus en plus à l'article à bon marché, plus en rapport avec sa bourse, mais de qualité bien inférieure, que l'on jette ou que l'on échange sans regrets, vu son bas prix, et se met, d'autre part, à ne plus ménager et à ne plus apprécier les objets de sa fabrication, auxquels il avait autrefois apporté tous ses soins, sachant qu'ils seraient, de génération en génération, un véritable trésor de famille. De plus, à cause des exigences du marché, toutes les productions les plus précieuses et les plus intéressantes du génie populaire sont vendues et disparaissent à jamais; avec elles disparaissent en même temps des modèles et des dessins qu'il faut se résigner à remplacer par d'autres, de provenance étrangère et fortuite, avec lesquels il ne saurait guère être question de conserver la valeur et la pureté du style. On finit,

dans ces conditions, par aboutir à la décadence et à la disparition de l'industrie populaire, et........ les créations délicates et pures dues au génie créateur du peuple font place à des articles grossièrement barbouillés «dans le goût populaire» provenant de fabriques à bon marché.

On a déposé dans cet album un choix seulement des échantillons, précieux pour tous les amateurs d'art, de cet art populaire qui s'en va, dans le radieux et secret espoir que ces modèles reprendront leur place parmi le peuple et seront pour lui une nouvelle source d'inspiration, le jour où seront enfin adoptées les mesures proposées en vue de la conservation et du relèvement de la petite industrie rurale de toute la Russie. Ce jour ne saurait se faire longtemps attendre, maintenant qu'ont été proclamés du haut du Trône le sérieux intérêt et l'importance de ce domaine de l'activité du peuple.

* * *

Il nous reste maintenant à indiquer en peu de mots l'état de l'industrie de la poterie dans les possessions russes de l'Asie Centrale.

La poterie est, grâce à son prix peu élevé, la vaisselle la plus répandue dans la population fixe du pays. Par sa nature, elle se divise en deux groupes bien distincts: vaisselle courante, pour l'usage, et vaisselle, pour ainsi dire, décorative, pour la montre. Cette dernière est celle qui présente le plus d'intérêt, en ce qu'elle comprend ce qu'il y a de mieux dans le pays comme poterie. On apporte le plus grand soin à sa fabrication, tant dans le choix des matériaux et dans le procédé de fabrication que dans la décoration, pour laquelle les potiers indigènes ne se mettent guère en frais quand il s'agit de vaisselle courante.

Plats (langar-tabak), assiettes (tabak, tabatchi), soupières et tasses (djali et djamtchi), cruches de différente grandeur et de différente forme (kousa et kousatchi), vases (khourmi): telles sont les formes principales de cette vaisselle. Le système employé jadis, et encore actuellement, pour la décoration est le même pour toutes les variétés: application d'un vernis et tracé d'un dessin. En général, on recouvre de vernis la surface entière, quoique, dans les plats et les assiettes, le dessous reste assez souvent mat. Quant au dessin, on l'applique presque exclusivement sur le côté face, le dessous restant uni: il n'y a que les tasses qui portent parfois un dessin à l'intérieur et à l'extérieur; mais, dans ce cas, il est généralement beaucoup plus simple, plus schématique, moins soigné.

Les principaux centres de fabrication de poterie décorée sont Boukhara, Richtane et Samarkande avec les kichlaks *) des environs; sans doute, dans les autres villes de la contrée, Katty-Kourgane, Khodjent, Andijane, Tachkent, Karchi, Chakhrisiabs, etc., la population fait aussi de la poterie, mais celle des premiers centres sert de modèle-type pour toute la contrée avoisinante: c'est ainsi, par exemple, que les produits de Katty-Kourgane sont, au fond, identiques à ceux de Samarkande, et ceux des kichlaks de Békhaouddine et Vardanzé à ceux de Boukhara, etc. Il en est du moins ainsi aujourd'hui.

---

*) *Kichlak,* au Turkestan, centre de population indigène.

Peut-être y a-t-il eu jadis encore d'autres centres de fabrication, peut-être même y en a-t-il eu un plus grand nombre, mais, pour le moment, nos données ne nous permettent guère de rien affirmer.

Quoi qu'il en soit, l'examen d'une quantité d'articles de poterie, achetés par nous sur les lieux de production et aux endroits où on en apporte des différents centres, ainsi qu'à des particuliers, la comparaison des qualités de l'argile, des procédés de fabrication adoptés dans les divers lieux de production, permettent d'établir des caractéristiques définies pour chacun des types dont nous avons parlé.

La vieille poterie de Boukhara se décorait sur un fond d'émail blanc épais et brillant, avec des tons bleu d'outre-mer, turquoise, noir et vert foncé; quelques modèles ont un chatoiement légèrement bleuâtre dans l'émail blanc. Le procédé de décoration était de deux sortes: ou bien on recouvrait le dessin d'une couche transparente vitreuse, comme dans la poterie persane ancienne, ou bien, si cette couche n'existait pas, les couleurs elles-mêmes étaient suffisamment vitreuses et transparentes. Les ornements, végétaux, sont d'un style très accusé et s'accompagnent parfois d'ornements géométriques. Les couleurs sont éclatantes et nettes; sur quelques modèles, le ton noir prend assez souvent une teinte rougeâtre. Le dessin est net et régulier; la répartition des couleurs en quantité est telle que le fond domine presque toujours plus ou moins l'ornement: on peut même poser en principe que plus la poterie est ancienne, plus cette particularité est tranchée.

La poterie moderne de Boukhara se distingue nettement avant tout par le choix des couleurs et par leur caractère: elles sont troubles, opaques; on emploie pour le fond un ton ocre, rouge ou jaune, ou bien, mais relativement moins souvent, un ton marron foncé. Le dessin se fait en jaune citron, blanc jaunâtre, rouge foncé et vert; on observe aussi, mais rarement, un bleu outre-mer, mais gris sale, et seulement sur les modèles assez anciens. L'ornement, végétal, a beaucoup de style et est le plus souvent symétrique par rapport à plusieurs axes.

La poterie moderne de Samarkande ressemble, comme coloris, à la poterie moderne de Boukhara; elle ne s'en distingue que par une prédominance du jaune d'ocre dans le fond et dans le dessin, qui est aussi un peu plus grand et plus simple. On ne trouve guère ici de poterie ancienne, et celle qui se rencontre encore ressemble beaucoup à la poterie ancienne de Boukhara du type caractérisé par l'absence de vernis vitreux.

La poterie décorée de *Katty-Kourgane* n'est qu'une copie, comme formes, de celle de Samarkande, dont elle ne se distingue dès lors en rien.

Celle de *Khodjent* est remarquable par sa gamme lumineuse de couleurs et la faiblesse de son dessin.

Tachkent produit peu de poterie décorée et nous en avons vu trop peu d'échantillons pour pouvoir en donner une caractéristique générale. On peut noter cependant le vernis vert bleuâtre pour les cruches, très semblable au vernis des potiers de Kokande.

La poterie ancienne de Kokande ou *de Richtane* *) rappelle à beaucoup d'égards celle de Boukhara. Elle est caractérisée par un vernis blanc, brillant et épais, portant

---

*) La tradition attribue la fondation de l'industrie de la poterie à Richtane à un élève du potier, célèbre à Boukhara à la fin du XIVe et au commencement du XVe siècle, Amir-Kouloul-Pira (en français «chef des potiers»), dont un descendant, Pirzada, réside encore actuellement à Richtane et y fait de la poterie. A Richtane, par exemple, sur une population de

un dessin en bleu d'outre-mer pâle, légèrement rougeâtre. La décoration, discrète, est végétale (fleurs, feuilles, tiges) et de peu de style, souvent symétrique, dans les plats et les assiettes, sur les bords seulement, et ailleurs dans les masses seules et non dans les détails. Jamais l'ornement n'a de contours, tandis que, dans la poterie de Boukhara, quelques modèles ont un contour noir, comme dans la poterie persane. Pour le fond, outre le bleu d'outre-mer, on emploie encore le bleu turquoise, mais très rarement.

La poterie moderne de Richtane se divise en trois types: l'un ressemblant à du vieux, mais avec un émail moins blanc et moins compact; le dessin y est en outre-mer grisâtre, noir rougeâtre, vert sale et jaune d'ocre, quelques modèles portant tous ces tons à la fois, tandis que d'autres n'ont que de l'outre-mer et du noir (Vieux-Margelane). Un autre type porte un émail de nuance turquoise un peu trouble, tirant sur le vert, avec un dessin bleu d'outre-mer représentant une répétition de rosettes, d'étoiles, de petites feuilles, de tiges et d'entrelacs (Richtane). Enfin un troisième type, sur vernis jaune d'ocre, avec un dessin rouge d'ocre, rouge foncé, vert et blanc, comportant un ornement végétal de grande dimension grossièrement dessiné, rappelle la poterie de Samarkande, mais avec des tons plus laiteux et plus pâles (Kokande, Vieux-Margelane et Andijane). A Kokande, on remarque, en outre, des cruches, des tasses et des soupières unies, non décorées, couvertes de vernis rougeâtre brillant, vert olive, vert turquoise et pure turquoise pâle.

Nous nous bornerons à cette énumération sommaire et à cette brève caractéristique des principaux centres d'industrie céramique, en nous permettant d'y joindre quelques observations générales. Il est incontestable que la fabrication des articles de poterie dans le Turkestan se distingue par son caractère de grande ancienneté et qu'elle a passé par diverses périodes, tour à tour de prospérité et de décadence. C'est ce que donne à penser la revue même la plus superficielle des pots trouvés en grande quantité dans les fouilles faites aux environs de Samarkande, Tachkent, Khodjent et autres localités. Une étude plus détaillée de ces monuments de l'art antique permettra sans aucun doute d'établir les diverses phases qu'a traversées la céramique au Turkestan et de jeter par là même les bases de son historique.

A l'heure actuelle, l'industrie céramique traverse une période de décadence, peut-être plus marquée encore que jamais. Cette décadence peut être envisagée à deux points de vues, l'un purement technique, et l'autre artistique. Au point de vue technique, elle tient à un procédé de préparation inférieur de l'argile, à la perte des recettes pour les mélanges des couleurs, à l'imperfection de la cuisson; au point de vue artistique, au négligé du dessin de l'ornementation, à la perte de la pureté du style, à la disproportion du dessin avec la grandeur de la pièce à décorer et de ses parties, et enfin à la grossièreté des oppositions de coloris.

* * *

La présente publication, sans sortir du cadre d'un modeste travail, a pour but d'appeler l'attention sur une des faces du génie créateur populaire et de montrer quels

---

22.400 âmes, on compte jusqu'à 90 maîtres de poteries, occupant de deux à cinq contremaîtres chacun, avec une production totale annuelle de 30.000 roubles environ; la matière première est prise sur place, aux environs de Richtane et en partie aux environs du village de Tchoungoura, district de Kokande, à 25 verstes environ de cette ville, et ce sont les bazars de toute la province de Fergana qui servent de débouchés à cette industrie.

monuments merveilleux d'un art qui fut l'œuvre de longs siècles nous quittent sans retour. En présence de ces monuments du génie populaire qu'on peut voir sans grand effort d'attention se perdre par suite de négligence, de manque de compréhension et d'intérêt, d'aspirations cupides et d'autres causes accidentelles analogues, et en raison, d'autre part, du peu qu'il faudrait en somme, soyons-en convaincus, pour que ces germes si pleins de vie, ces goûts encore si vivants dans le peuple, cette pénétration que possède tout simple ouvrier, potier ou autre, de la petite industrie rurale, se développent et donnent un complet épanouissement de l'art à ses meilleures époques, nous faisons appel à tous les vrais amis de l'art pour venir en aide à ceux qui ont un si pressant besoin de notre concours. Puisse l'intérêt pour cette cause, tels seront notre espoir et notre vœu, suivre le mouvement général du sentiment de la conscience nationale pour aller en se fortifiant! Puisse-t-il se développer autour d'elle une atmosphère d'attentive curiosité, de piété et de sollicitude, qui ne tardera pas à favoriser, nous en avons la ferme conviction, l'éclosion des plus brillants résultats! Cet album, qui ne contient qu'une minime quantité des richesses dispersées dans le peuple, montrera mieux que toutes les paroles et que tous les exemples combien la petite industrie rurale mérite l'attention et la sollicitude que nous demandons pour elle.

* * *

Notre humble travail ne serait pas complet si nous omettions de dire que c'est à l'appui et à l'intérêt particulièrement chaleureux de l'ancien Ministre des Finances, M. de Witte, que nous sommes pour beaucoup redevables d'avoir pu faire paraître la présente publication.

Au souvenir de nos voyages et de nos investigations dans les immenses contrées de l'Asie Centrale, nous ne pouvons nous priver du plaisir d'exprimer notre très sincère reconnaissance à un artiste amateur de la céramique de ces régions, M. Doudine, qui nous a accordé le concours de ses vastes connaissances, ainsi qu'à M. Zedek Kverfeld, l'artiste qui a été notre compagnon de route dans l'un de nos voyages et auquel sont dues les aquarelles de notre album.

Nous exprimons de même notre profonde gratitude à la Manufacture des papiers de l'Etat, car seules, les ressources exceptionnellement précieuses de cette institution, dont l'éloge n'est plus à faire, pouvaient assurer à la présente publication une exécution vraiment artistique.

Nicolas Bourdoukoff.

ПЕРЕЧЕНЬ ТАБЛИЦЪ.

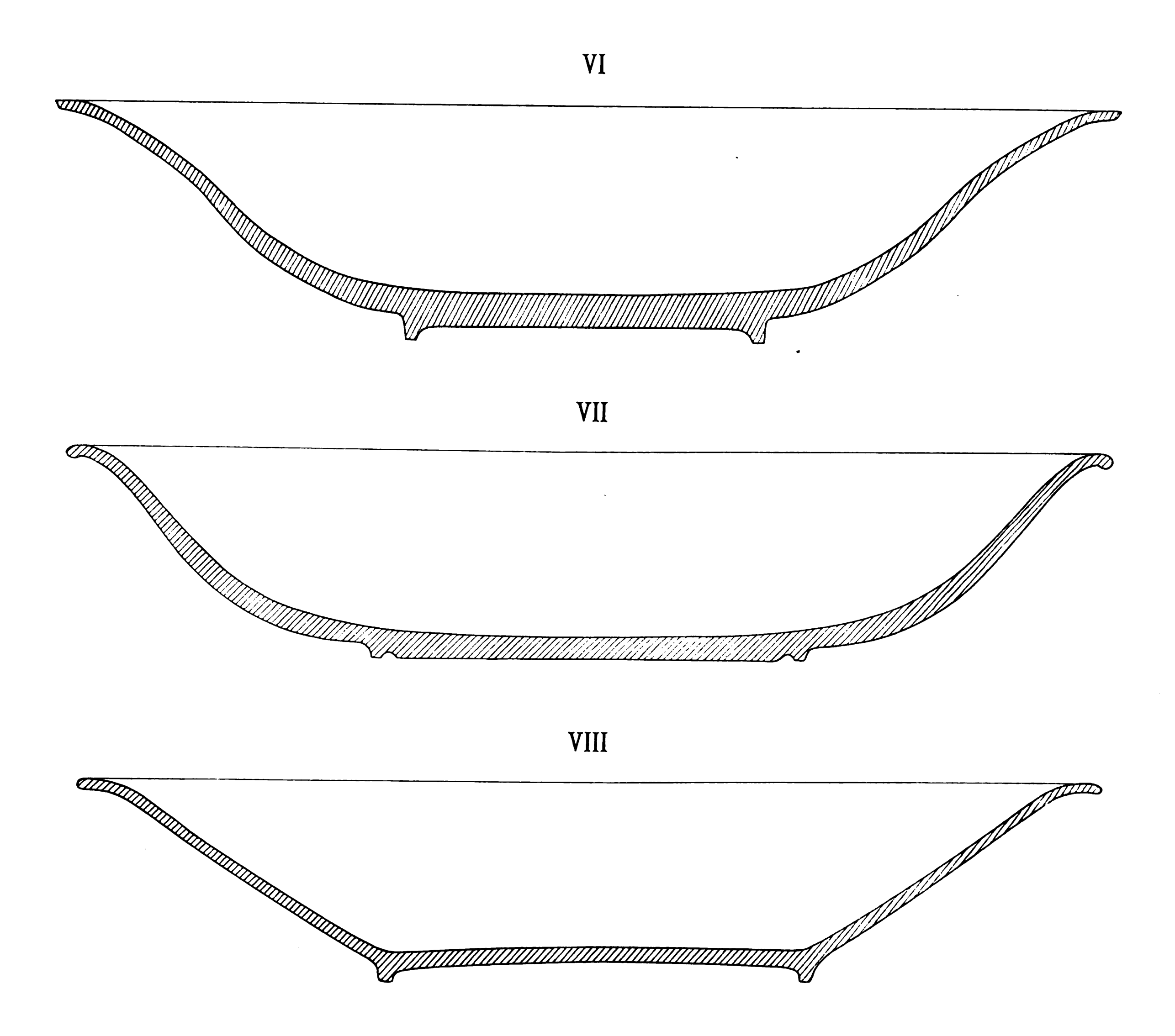
*) *„Кишлакомъ“* въ Туркестанскомъ краѣ называется туземное селеніе.

TABLE DES PLANCHES.

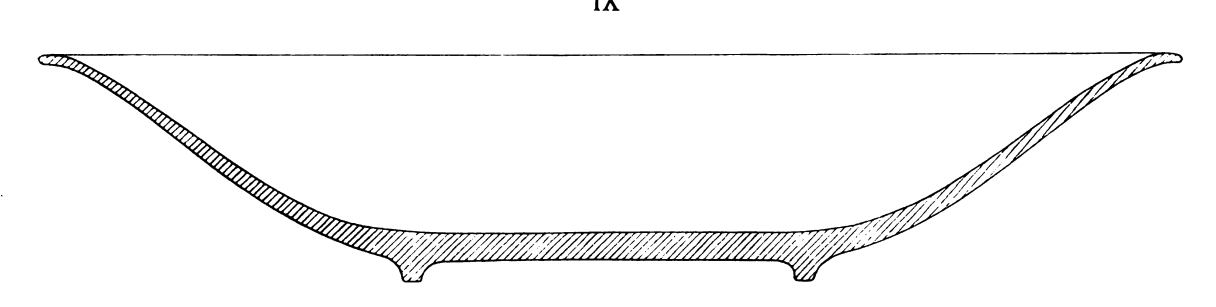
---

*) *Kichlak,* au Turkestan, centre de population indigène.

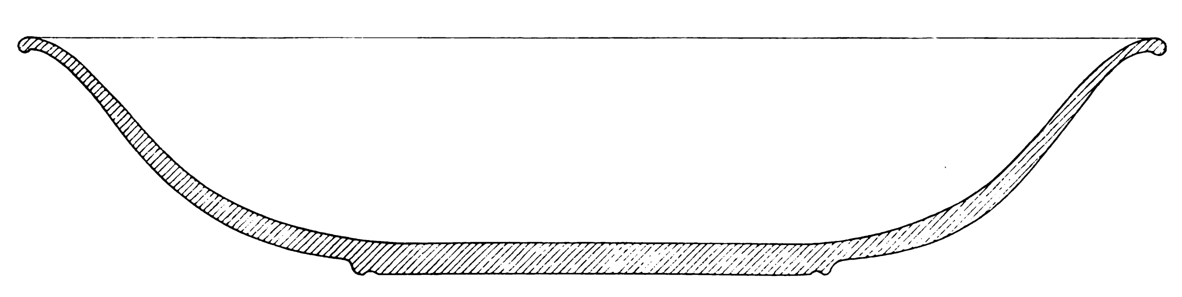
РАЗРѢЗЫ COUPES

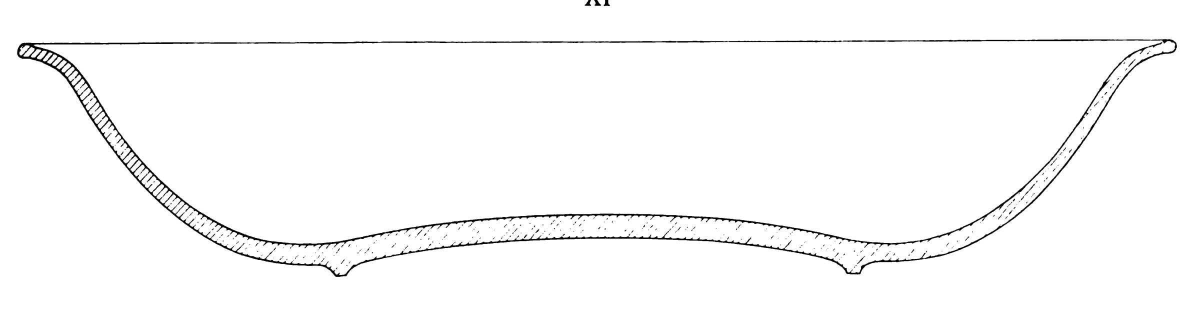

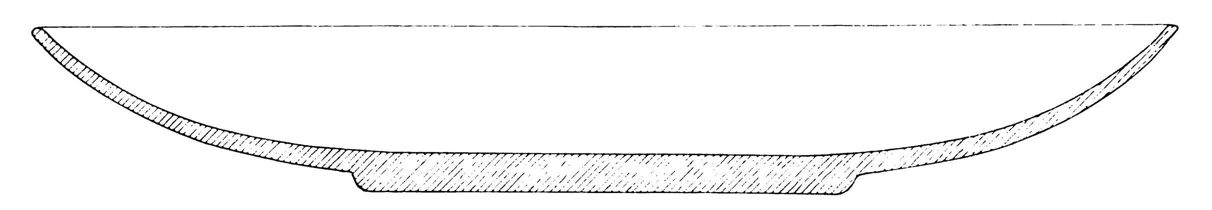
X

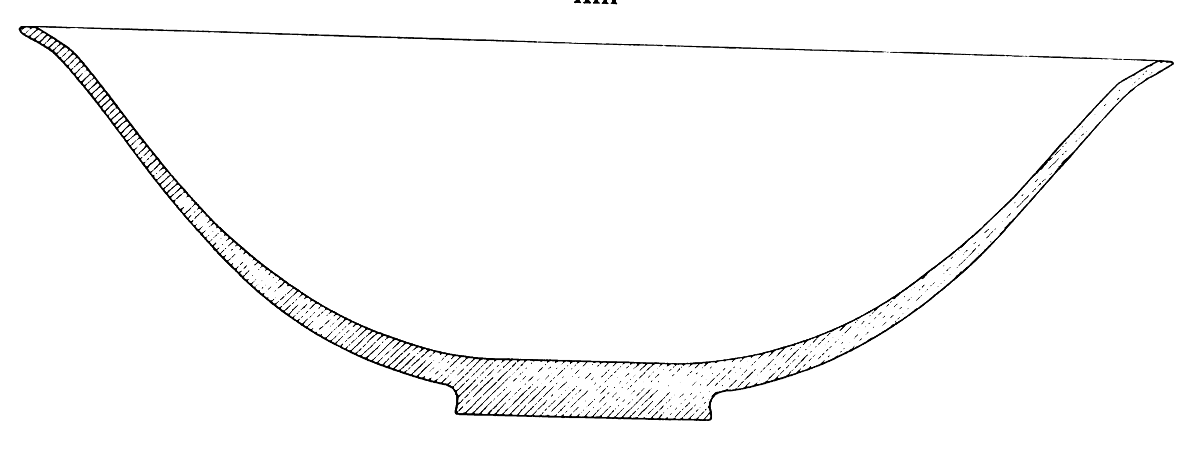
XI

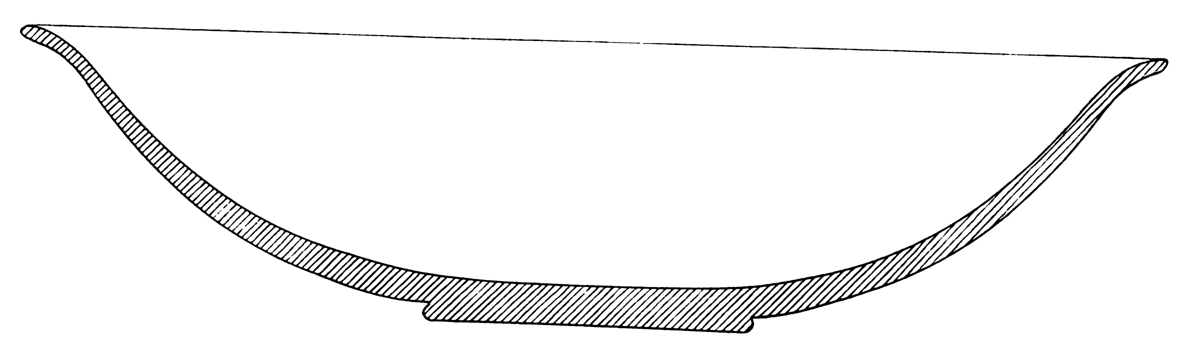
XII

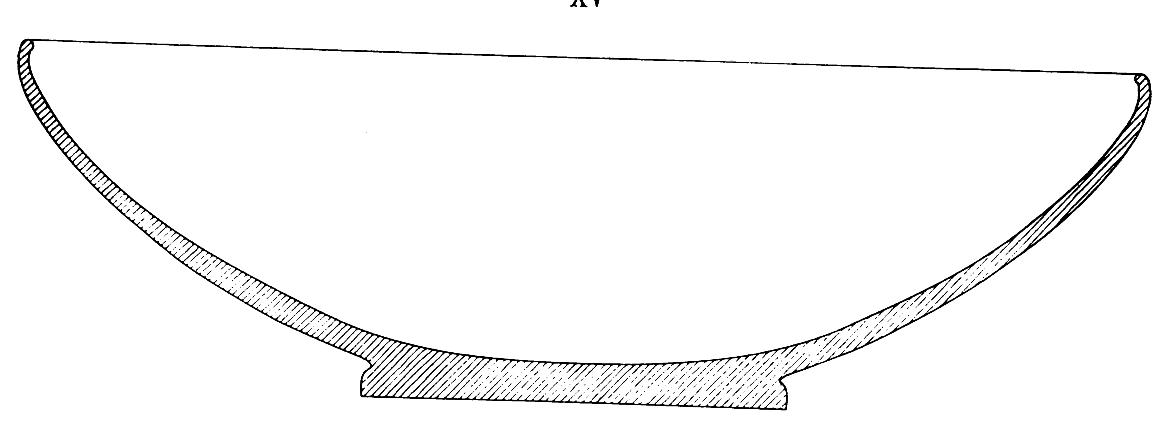

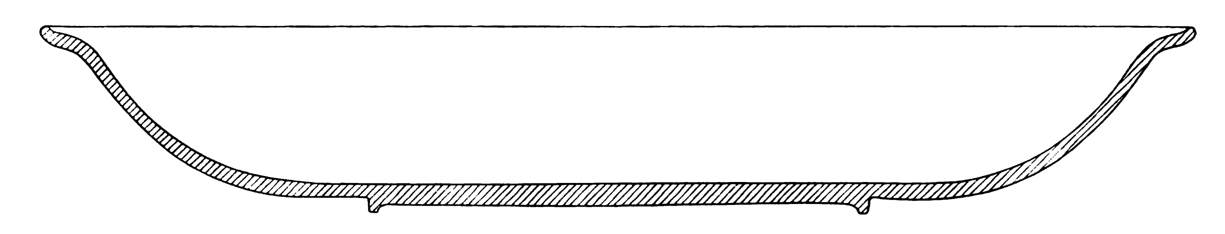
XIV

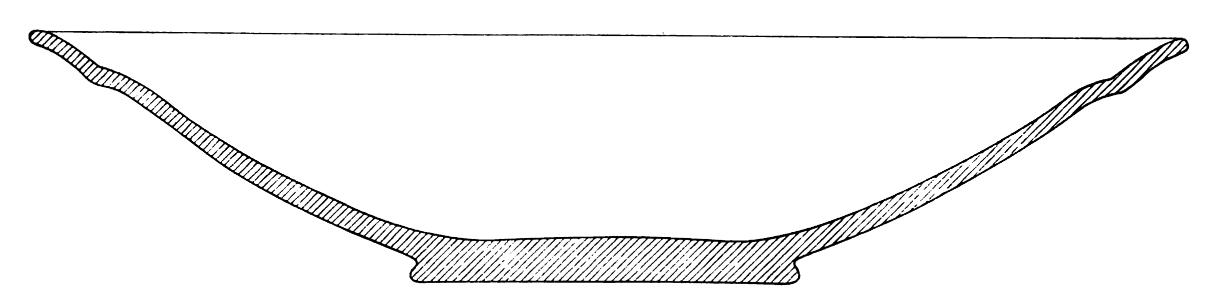
XV

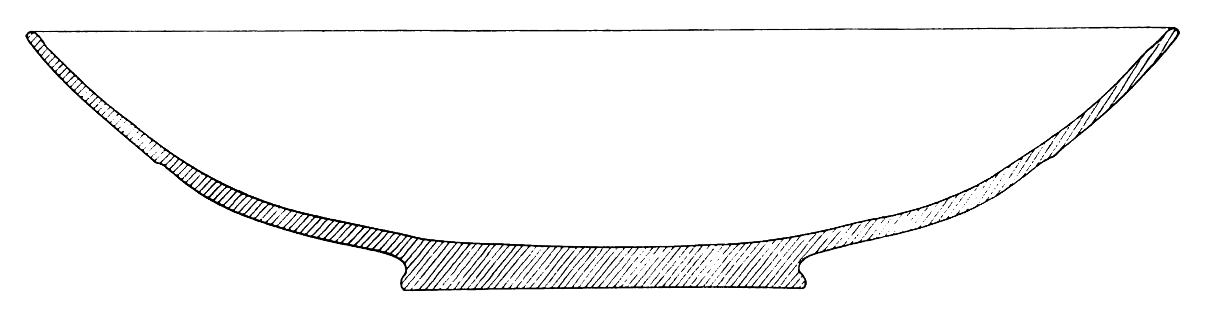

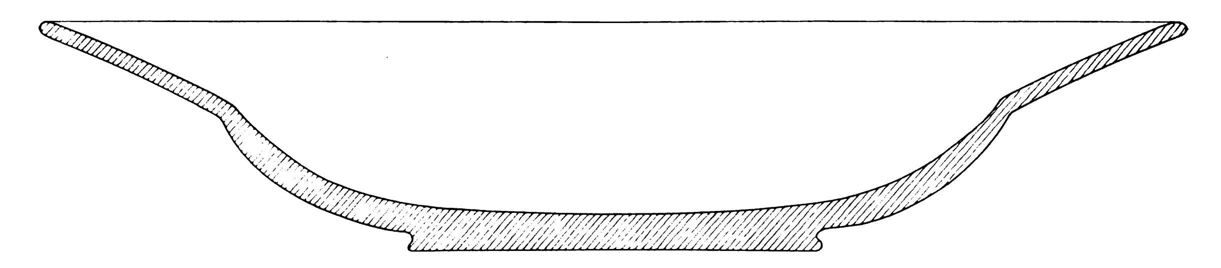
XVII

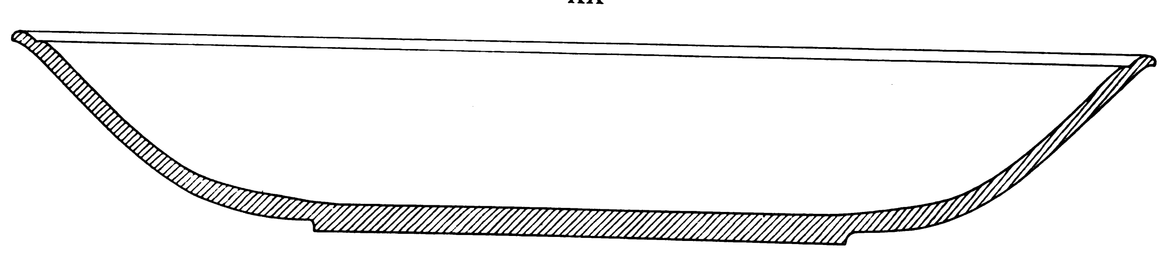
XVIII

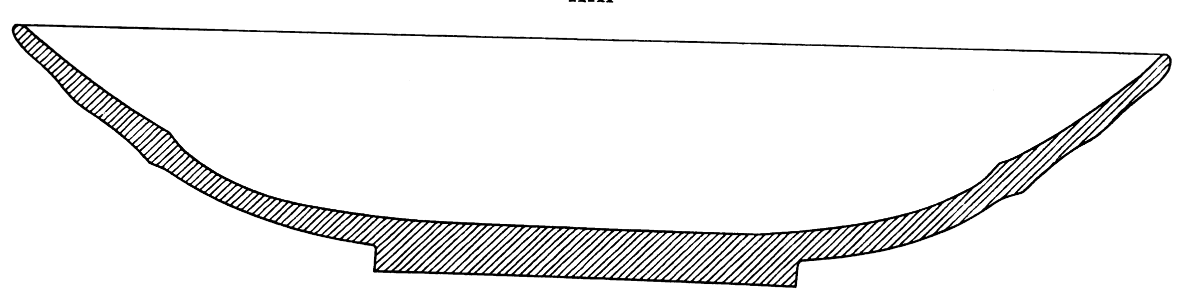
XIX

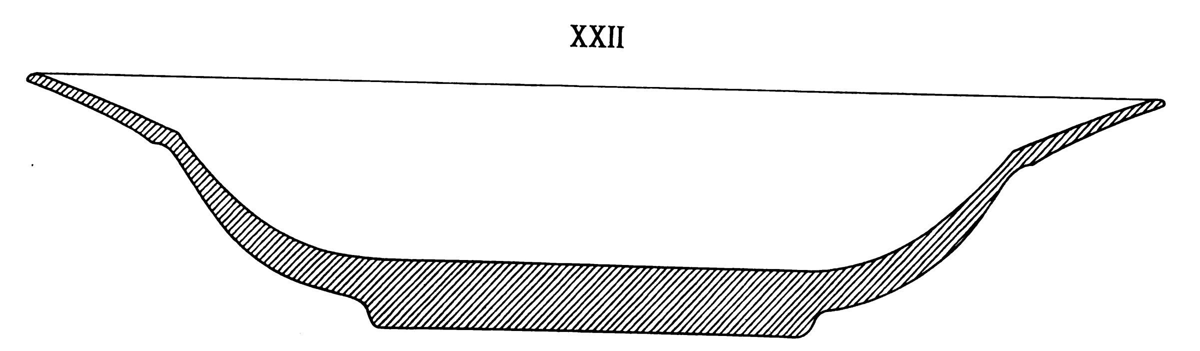
XX

XXI

XXII

I

II

III

Н. Бурдуковъ
Гончарныя издѣлія Средней Азіи

Céramique de l'Asie Centrale
Collection de N. Bourdoukoff

Н. Бурдуковъ
Гончарныя издѣлія Средней Азіи

Céramique de l'Asie Centrale
Collection de N. Bourdoukoff

V

VI

VII

VIII

IX

X

XI

XII

XIII

XIV

XV

XVI

XVII

XVIII

XIX

XX

XXI

XXII

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 08456 4239

Digitized by Google

